



Сегодня Андрею Миронову исполнилось бы 60 лет

АЛЕКСАНДР ШИРВИНДТ:

Культура. 2001. 8-14 марта. с. 8

## “Андрюша” – не шоу, а живая эмоция тех, кто с ним работал

Вот уже почти четырнадцать лет прошло с того дня, когда он во время спектакля упал без сознания на руки своего партнера А.Ширвиндта. Это была его последняя “Женитьба Фигаро”. И последний в его жизни спектакль.

Сегодня Театр сатиры играет премьеру под названием “Андрюша” – спектакль в честь Андрея и об Андрее.

Вечером на сцену выйдут актеры, игравшие с ним и в его постановках, прожившие с ним счастливую театральную жизнь: О.Аросева, В.Васильева, Н.Корниенко, М.Державин, С.Мишулин, Ю.Васильев... Они сыграют самих себя. “Андрюша” – первая постановка Александра ШИРВИНДТ в новом для него амбула художественного руководителя Театра сатиры. Художник спектакля – Б.Мессерер, хореограф – Б.Ласкари, режиссер киномонтажа – С.Урсуляк, дирижер – А.Кремер.

– Я живу на Таганке. Однажды вошел в какой-то магазин и вижу – висит афиша спектакля “Владимир Высоцкий”. Вдруг меня кольнуло: а наш Андрей хуже, что ли? Разве он – фигура менее мощная, менее значимая для нашего народонаселения? Беда, что я увидел афишу 28 декабря. Если бы хоть в ноябре, была бы совсем другая житуха. А так времени на подготовку спектакля осталось в обрез. Тут еще эта бодяга с моим назначением... И все же мы рискнули – если не сыграть в день рождения Андрея, то никакого смысла в этой затее нет. Хотя я замахнулся на гораздо более долгоиграющее зрелище, чем юбилейный вечер. Я такой вековой специалист по юбилеям, что сделать просто вечер было бы раз плюнуть. Позвать Квашу, Гафта, Гурченко, Рязанова... Но если мы решили, что это можно играть так, чтобы это, помимо вашей пишущей братии, еще кто-то смотрел, надо искать совсем другие параметры. У меня в спектакле нет ни одного пришлового человека. За месяц до сегодняшнего дня началось, телефон раскален: “Мы снимаем передачу... Мы организуем посиделки...” Все “воспоминания очевидцев” будут растиражированы электронными СМИ. Нам с ними не тягаться. У меня есть вялая надежда, что мы попытаемся вытянуть тему “театр и Андрей”, показать то, что мало кому известно. Если, конечно, не иметь в виду то, что поведала миру в своей книжке актриса Егорова.

– На сцену выйдут те, кто с Мироновым работал. А те, кто пришел в театр после него?

– Они и есть как бы “обслуга” символической экскурсии по Андрею. Они присутствуют, спрашивают. Или их спускают, и они начинают показывать. Мы с А.Аркиным прописали сюжетную канву, Ю.Ким написал песни. Жанр придумали такой: “день рождения”. Я хотел бы, чтобы все это было эмоционально старомодно. Ну не умею я по-другому, иначе начну пыжиться, вымучивать. Этот спектакль – не шоу, не скрупулезное биографическое исследование. Это живая эмоция.

На сцене будут установлены три экрана, где пойдут кадры с Андреем в ролях, куски спектаклей. А когда его не станет, выйдет Корниенко в том же платье, в котором играла Сюзанна, и... Не буду “продавать”. Сами увидите. Между прочим, экраны и аппаратура к ним стоят две сотни тысяч долларов. Я когда наконец сдался, принял должностку худрука и меня повели в мэрию знакомиться, сказал: если вы меня мучаете, так помогайте. Вот, дали денег.

– “Андрюшу” вы поставили. А дальше что?

– Никаких глобальных режиссерских амбиций у меня нет. Вот этого “Я – и больше ничего” нет и в помине. Моя задача – найти материал и постановщиков. При этом, думаю, замалчивать на бесконечность смысла нет. Надо смотреть реально, на ближайший сезон.

– Но все же какие-то наметки программы существуют? Будет ли театр развиваться в русле собственного названия, то есть предпочитать режиссеров, умеющих ставить комедии? Или задачи более широкие? При В.Плучеке были ведь и “Вишневый сад”, и “Трехгрошовая опера”. Да и “Ревизор” или “Укрощение строптивой”, согласитесь, – нечто большее, чем просто комедии?

– Можно было бы, конечно, представить шикарную программу: “Портрет Дориана Грея”, “Фуэнте овехуна”, “Уриэль Акоста”... Но зачем так откровенно пускать пыль в глаза? Пока что я знаю режиссе-



Фото Ф. САМОЙЛОВА

– Ширвиндт ров, на которых можно ориентироваться сегодня, сейчас. Владимир Иванов, Андрей Миронов, Эльдар Рязанов – с ними и “кокетничать” насчет постановок. Еще Сережа Арцибашев. А дальше будет видно. Конечно, дело в первую очередь в выборе режиссеров.

– Наверное, вы уже ждете атаки со стороны критиков, обвинений в том, что стараетесь угодить публике. У Театра сатиры и его актеров в этом смысле вообще особая судьба, их принято считать “угодниками”.

– У меня есть свой имидж, притом очень подконтрольный. К счастью (или к несчастью?), он неоднозначный. Каждый судит обо мне в меру своей “образованности”. При этом я человек довольно интеллигентный, хотя бы родословно. И всеми порами ощущаю ужас от того, что наша критика... Сами отмянули про вашего брата, вот я и разошелся... Боюсь, что все вы, вне зависимости от степени дара, образования и интеллекта, на половозембриональном уровне должны из кожи вон существовать ситуации. То есть существовать в вечно фрондирующей позе. Беда в том, что суммарно, количественно на эту гигантскую “фронду” уже перестают реагировать люди. Раньше в критике были какие-то гейзеры остроты, пикантности и даже хамства. Но они были штучны. А когда вал – все нивелируется, даже ваш благородный пафос. Вот у нас напротив – Дом Ханжонкова. Как-то я увидел афишу: “Ретроспективный показ эротических фильмов”. На витринах – фото роскошных голых раскляченных баб, какие-то фаллосы... И идет население. Взглянул – и дальше идет. “Бог мой, – подумал я. – Еще 15 лет назад тут снесли бы памятник Маяковскому и устроили Ходынку. А теперь идут мимо – и ничего”. Вот это все – туда же, куда и оптовая “острота” нынешней критики. Я иногда представляю, как вы садитесь за компьютер и думаете: “Вот я их сейчас...”

– Ну уж! Впрочем, есть некие тенденции, которые и меня саму смущают. Мы пишем, что спектакль из рук вон плох, а публика валом валит, плечет, аплодирует. Возникают какие-то явные перекосы и аберрации. Или критики теряют способность быть зрителями, и от этого порой успех у зала считают гарантией дешевки? Или наши актеры и режиссеры резко разделились на группы: одни любыми средствами добиваются аплодисментов, другие отпугивают публику “в минус” и творят исключительно для себя самих?

– Я все-таки воспитан на поколении дживилеговых алперсов. Они всегда были внутри театра, жили его жизнью, были заражены, а не холодно взвзрвали из окна. У Гей-

не есть замечательное определение: “Критики – как привратники на королевском балу. Они могут не пустить тех, кого не приглашали, кто дурно одет, но сами внутрь войти не могут”. Это – про нынешних, точно. Вот Саша Свободин мог войти, даже если удивлялся или негодовал, всегда был “внутри”.

Что касается нашей “работы на публику”. Вот, например, Толя Васильев, очень мною любимый. Театр на 50 человек – это особое пространство взаимоотношений со зрителем. Но думаете, эти 50 зрителей не волнуют Васильева и его актеров? Черта с два! Я спрашивал его: ты играешь “Плащ Иеремии”, и к тебе случайно забрели четыре амбала. Знаешь, такие, вышли из ресторана “Арбат” и решили: “Типа того, давай зайдём...” Как они будут смотреть это рафинированное действие, ведь засыпают? А ничего подобного. Их вежливо встречают и... не сажают вместе. Как двоечников на уроке. Рядом с таким амбалом оказывается моргающий лысый интеллигент, и это как-то “возвышает”.

Все, повторяю, все в любом профессиональном театре рассчитано на публику. Иначе смысла нет.

Вспоминаю это вечное гонение на Ленку Трушкина, моего ученика, которого я нежно люблю. Я играю у него в спектакле “Чествование” уже 7 лет. Хитрая пьеса Слейда, который ловко умеет расставить все крючки: где надо посмеяться, где – поплакать. 7 лет играю, Америка, Украина, сцена Театра им.Вахтангова...

У меня там есть слова: “И дата некруглая, 47 лет...” Играл, играл, потом стал говорить: “И дата некруглая, 49 лет...”

Потом – 50 лет... 57 лет... То есть я старею, все стареет, движется биография образа, а зрители все ломаются, и плачут, и хлопают, и билетов не достать.

Жуткий зритель? Как не стыдно? А кому, спрашивается, должно быть стыдно?

Если все эти годы публика плачет – это предмет существования театра или нет?

– Конечно, предмет. И все же, можно за 7 лет воспитать зрителя на такой халтуре, что она начнет восторгаться откровенной дрянью.

– Есть, конечно, проблема. Я тут где-то прочел, что в одном спектакле Онегин выходит голый, а Ленский сам в себя стреляет из браунинга. Вот это уже – край. Я не считаю себя рафинированным, но есть все же вещи, до которых просто нельзя опускаться. Должен быть какой-то внутренний ценз. Но бывает и другой край: “Фоменко, Васильев, Арцибашев – гении, все остальное – дешевка, экскременты”. У меня в зале 1050 мест. Зрители покупают билеты не только в партер, притом недешево. Их надо “схватить”, и, согласитесь, другими средствами, чем в маленьком зальчике.

Помню, однажды один ныне покойный изумительный артист доигрался до того, что из публики стали кричать: не слышно!

Я говорю сейчас паршивые вещи. Но если в амфитеатре ничего не видно и не слышно, а подойди близко – и обнаруживешь, что артист дико правильно существует в роли, надо признаться – он способен играть только для 17 человек. Если же мы играем для большого зала, то надо нести за это ответственность. И тогда у профессиональных артистов на эмбриональном уровне включаются “радары”, они ловят дыхание публики. И тогда начинается то самое, что вы потом называете “полной дешевкой”.

– Да здравствует слияние критики с публикой! Да здравствует хорошая слышимость в амфитеатре и на балконе! А что сам артист Ширвиндт сыграет в ближайшем времени?

– С.Аркибашев ставит пьесу Ж.Ануй “Орнифль, или Сквозной ветерок”, где я сыграву главную роль – модного писателя, сжигающего собственную жизнь. На пьесу “навел” меня Рязанов. Однажды позвонил и сказал: “Если ты еще хочешь поработать артистом, вот тебе “лебединая песня”.

Действительно, грустная вещь и хорошая роль. Замечательное оформление сделал О.Шейндис. Но это все потом, после “Андрюши”.

Беседу вела  
Наталья КАМИНСКАЯ